

ПОПАДАНКА
в ненужную жену
Дилового
ДРАКОНА

СОНА СКОФИЛД

Сона Скофилд

Попаданка в ненужную жену Лилового дракона

<https://litres.ru/74418123>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я умерла в одном мире и очнулась в другом — в тот самый момент, когда муж моей новой оболочки подал ей бумаги на развод.

— Вы мне больше не нужны, Анна.

Что ж, взаимно. Я подписала документы и уехала в унаследованное поместье: заброшенную лечебницу с минеральными источниками, долгами и дурной славой.

Но вскоре выяснилось: вода отравлена, записи прежней хозяйки исчезли, а лекарства, которые она принимала перед смертью, больше похожи на средство подчинения.

Кто-то годами ломал Анну, а потом сделал виноватой в собственном падении.

Я решила докопаться до правды. И первой уликой стал мой бывший муж — герцог и Лиловый дракон, способный расправить крылья над замком.

Он явился в лечебницу с израненным крылом, молчаливый, злой и слишком поздно понявший, что произошло с его женой.

Я не собиралась прощать его, возвращаться в его дом и уж точно — влюбляться в мужчину, с которым успела развестись раньше, чем узнала настоящего.

Содержание

ПРОЛОГ. Подпишите здесь	5
ГЛАВА 1. Чужая жизнь после подписи	28
ГЛАВА 2. Сиреневый Ключ	85
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Сона Скофилд

Попаданка в ненужную жену Лилового дракона

ПРОЛОГ. Подпишите здесь

Первым в поле зрения оказался лист бумаги.

Плотный, кремовый, с ровными строчками и пустым местом внизу. Рядом лежала рука — тонкая, бледная, с длинными пальцами. На среднем пальце белел след от снятого кольца, а на безымянном темнело другое: тяжелое, почти черное, с узкой лиловой полосой по краю.

Я пошевелила пальцами.

Они послушались, но ощущались чужими.

— Леди Вальден?

Голос донесся справа.

Я подняла голову.

Комната оказалась небольшой и строгой. Высокое окно, темное дерево, шкафы с папками, металлическая печь у стены. На противоположной стороне стола сидел пожилой мужчина в черном сюртуке. Перед ним лежали круглая печать, несколько цветных пластин и стопка документов.

Справа от меня сидел еще один мужчина.

Даже в кресле он казался огромным.

Темные волосы были убраны назад. Лицо — неподвижное, с резкими скулами, тяжелой челюстью и усталостью у глаз. Серые глаза он поднял на меня лишь на мгновение, но этого хватило: по радужке прошел сиреневый отблеск.

Я моргнула.

Отблеск остался.

— Леди Вальден, — повторил нотариус. — Перед подписанием мне необходимо получить ваше устное подтверждение.

Я попыталась ответить, но во рту пересохло. Горло саднило, будто я долго кашляла или кто-то сжимал его руками.

Последнее, что я помнила, — мокрая дорога, фары, удар сбоку и ремень, врезавшийся в грудь.

Потом — пустота.

Ни сирены, ни врачей, ни больничного потолка.

Только эта комната, чужое тело и два человека, ожидавшие моего ответа.

— Что именно я должна подтвердить?

Пожилой мужчина нахмурился. Мужчина справа едва заметно выпрямился.

— Ваше намерение расторгнуть брак с герцогом Кайром Вальденом.

Я повернула голову.

Герцог.

Мой муж.

Человек, которого я видела впервые.

Если это был сон, то мозг после аварии проявлял завидную изобретательность.

Я снова посмотрела на документ. Буквы казались незнакомыми, но смысл складывался без труда — как если бы я читала на языке, который знала всю жизнь, хотя никогда его не учила.

«Соглашение о расторжении брачного союза...»

Анна Вальден. До брака — Анна Эверт. Кайр Вальден. Три года брака. Возврат приданого. Отказ от претензий на личное имущество. Отдельные пункты о деньгах, недвижимости, содержании и фамилии.

Я отложила взгляд от бумаги.

Сердце колотилось.

Не мое сердце.

Я прижала ладонь к груди. Под платьем ребра ходили слишком быстро. Тело было не просто испуганным — оно казалось истощенным, слабым, словно недавно пережило тяжелую болезнь.

— Вам плохо? — спросил герцог.

Голос у него был низкий, ровный. Ни сочувствия, ни раздражения — только внимание.

— Я еще не решила.

Нотариус кашлянул.

Кайр перевел на него взгляд.

— Господин Фейт, оставьте нас на несколько минут.

— Герцог, процедура уже дважды переносилась по просьбе леди Вальден. Если сегодня...

— На несколько минут.

Фейт поджал губы.

— Разумеется.

Он поднялся, но у двери остановился:

— Если понадобится лекарь, позвоните секретарю.

Когда дверь закрылась, мы остались вдвоем.

Кайр не заговорил первым. Не торопил, не задавал вопросов. Это было неожиданно кстати.

Я снова взялась за документ.

— Вы хотите развода?

— Да.

— Давно?

— Я предложил расторгнуть брак три недели назад.

— А я?

— Попросили время.

— Дважды?

— Трижды.

Я подняла глаза.

— Нотариус сказал, что дважды.

— В первый раз мы не дошли до него.

— Понятно.

На самом деле ничего не было понятно. Я пыталась разобраться сразу в трех вещах: где нахожусь, почему оказалась в теле незнакомой женщины и чем она успела довести до раз-

вода собственного мужа.

Для одного утра многовато.

— Почему вы хотите развода?

Кайр ответил не сразу.

— Наш брак не выполняет ни одной задачи, ради которой его заключали.

— Очень романтично.

— Он и не был романтическим.

— Это я уже заметила.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Вы ведете себя необычно.

— Я плохо себя чувствую.

— Это заметно.

В груди снова отозвалась тупая боль.

— Что со мной произошло?

— Сегодня утром вы потеряли сознание.

— Где?

— В своих комнатах.

— Надолго?

— Примерно на четверть часа.

— Кто меня осматривал?

— Доктор Халлен.

Имя ничего не вызвало, но тело отреагировало само: пальцы сжались, к горлу подступила тошнота.

— Что он сказал?

— Что у вас тяжелый приступ слабости. Сердце остано-

вилось на несколько секунд.

Я медленно вдохнула.

Вот оно.

Моя смерть и ее смерть, встретившиеся в одной точке.

Если я погибла в аварии, а эта Анна умерла здесь...

Нет. Теорию о переселении душ можно отложить хотя бы до тех пор, пока не появятся доказательства.

Я ущипнула себя за запястье.

Боль оказалась убедительной.

Кайр следил за мной.

— Что вы делаете?

— Проверяю одну версию.

— И как?

— Версия мне не понравилась.

Он явно хотел продолжить расспросы, но промолчал.

Я вернулась к договору.

— Хорошо. Давайте разберемся с разводом.

— Вы уверены?

— Пока хочу понять условия.

Я прочитала документ внимательнее. После расторжения мне возвращали приданое, отдельный счет, драгоценности семьи Эверт, несколько земельных участков и небольшое городское владение. Кайр также предлагал ежегодное содержание.

— Это ваше предложение?

— Да.

— Зачем?

— Три года вы были моей женой.

— Но вы хотите развода.

— Эти вещи не исключают друг друга.

— Вы обязаны мне платить?

— Нет.

— Тогда зачем?

Он нахмурился.

— Чтобы после развода вы не зависели от решений своей семьи.

— Моей семьи?

— Эвертов.

— У меня с ними плохие отношения?

Вопрос вышел слишком прямым. Кайр долго молчал.

— Сегодня утром вы считали иначе.

Тревога поднялась мгновенно.

Нельзя было слишком много спрашивать человека, который знал прежнюю Анну три года. Но я не знала даже, где находится моя спальня, кто мои родители и почему от одного имени врача меня мутит.

Изображать женщину, о которой ничего не знаешь, можно недолго. Потом начнутся ошибки.

— После остановки сердца люди иногда ведут себя странно, — сказала я.

— Иногда.

— Мне трудно сосредоточиться.

— Тогда перенесем процедуру.

Я едва не рассмеялась. Три недели он добивался развода, а теперь сам предлагал подождать.

— Вы не хотите, чтобы я подписывала?

— Я хочу, чтобы вы понимали, что подписываете.

Ответ прозвучал спокойно и без колебаний.

Я посмотрела на него внимательнее.

Не чудовище. По крайней мере, пока.

— Если я подпишу, где буду жить?

— Имущество из вашего приданого перейдет под ваше распоряжение. Пока документы оформляются, вы можете остаться в доме Вальденов.

— В вашем доме.

— Формально он принадлежит роду.

— Но распоряжаетесь им вы.

— Да.

— Неловко.

— Для кого?

— Для меня.

Он чуть поднял бровь.

— Раньше вас это не беспокоило.

— Сегодня меня многое беспокоит впервые.

Сиреневый отблеск снова мелькнул в его глазах. Я почти решила, что дело в освещении.

Почти.

— Вы хотите, чтобы я уехала? — спросила я.

— После оформления развода это будет разумно.

— Спасибо за честность.

— Вы спросили.

— Поэтому и благодарю.

Я снова перечитала договор. Условия не выглядели грабительскими. Кайр не забирал мое приданое, не лишал меня денег, не требовал отказаться от фамилии или имущества. Не обвинял в измене. Не угрожал.

Он просто хотел закончить брак.

Возмущаться было трудно, особенно если учесть, что я вообще не была его женой.

— Почему прежняя... — Я остановилась. — Почему я не хотела подписывать раньше?

Кайр нахмурился.

— Вы говорили, что развод разрушит положение семьи Эверт.

— А вас это волновало?

— Нет.

— А меня должно?

— Решать вам.

Чем больше он отвечал, тем страннее становилось происходящее. Передо мной сидел человек, который мог воспользоваться моей растерянностью, но не делал этого.

— Есть еще причина для развода?

Он помолчал.

— Есть.

— Какая?

— Я считаю, что вы передавали своему брату сведения о земельных соглашениях Вальденов и северных источниках.

Вот теперь разговор стал действительно интересным.

— Считаете?

— У меня есть письма.

— Мои?

— Подписанные вашим именем.

— Вы видели, как я их писала?

— Нет.

— Тогда почему «считаете», а не «знаете»?

Его взгляд стал жестче.

— Вы никогда раньше этого не спрашивали.

— Возможно, стоило.

Кайр откинулся в кресле.

— Возможно.

Я чуть не спросила, почему он не предъявил письма раньше, но остановилась.

Сначала нужно было решить, подписывать ли документ от имени женщины, которой больше нет.

Юридически это были ее тело, имя, имущество и брак.

Но последствия оставались мне.

Сохранять политический союз только потому, что прежняя хозяйка тела боялась его потерять, я не собиралась.

Я не знала Кайра.

Он не знал меня.

Он хотел свободы.

Я тоже.

— Я подпишу.

Кайр не шелохнулся.

— Сейчас?

— Да.

— Вы только что сказали, что вам трудно сосредоточиться.

— Мне трудно понять, почему ваши глаза становятся сиреневыми. Условия развода я понимаю.

Впервые за разговор его лицо изменилось. Не улыбка, но что-то близкое.

— Вы забыли?

Черт.

— Видимо.

— Я дракон.

Я посмотрела на него, потом еще раз.

— Что?

— Вы спросили про глаза.

Мы замолчали.

Я попыталась представить его драконом. К моему неудовольствию, образ возник слишком легко.

— Настоящий?

Кайр посмотрел на меня с сомнением.

— Что значит «настоящий»?

— Большой. С крыльями, хвостом и чешуей.

— Да.

— Лиловый?

— Темно-лиловый.

Я закрыла глаза.

— Конечно.

— Анна.

Я открыла их.

Он впервые назвал меня по имени. Никакого внутренне-го отклика не возникло — ни узнавания, ни привязанности. Только понимание: это имя теперь относится ко мне.

— Вам все-таки нужен лекарь, — сказал он.

— Мне тоже так кажется.

Я подняла руку.

— Но сначала развод.

— Это может подождать.

— Три недели уже ждало.

— Еще один день ничего не изменит.

— Для вас.

Он нахмурился.

— Для вас тоже.

— В этом я пока не уверена.

Кайр долго смотрел на меня. В его лице не было злости, только настороженность. Он понимал, что со мной происходит что-то необъяснимое. Я понимала не больше.

Я потянулась к колокольчику и безошибочно нащупала ручку. Сам предмет я не помнила, но движение сохранилось

в памяти тела.

— Что вы хотите? — спросил Кайр.

— Вернуть нотариуса.

— Анна.

— Я не собираюсь цепляться за брак с человеком, который три недели пытается из него выйти.

Он застыл.

— Вы никогда раньше так не говорили.

— Значит, сегодня подходящий день для перемен.

Я позвонила.

Фейт вернулся почти сразу. Сначала посмотрел на меня, потом на Кайра.

— Продолжаем?

— Да, — ответила я.

Кайр промолчал.

Нотариус сел и снова открыл документы.

— Леди Вальден, после регистрации соглашения брак будет расторгнут окончательно. Вы это понимаете?

— Да.

— Отменить документ простой процедурой будет невозможно.

— Понимаю.

— Вы сохраняете личное имущество и получаете все позиции приданого, перечисленные в приложении.

— Да.

— Отказываетесь от требований к родовым активам Валь-

денов.

— Если они мне не принадлежат, да.

Фейт посмотрел поверх очков.

— Формулировка необычная, но юридически приемлемая.

— Отлично.

— Герцог Вальден также предоставляет вам годовое содержание.

— Нет.

Кайр повернул голову.

— Что?

— Я не хочу содержание.

— Это не милостыня.

— Я не называла это милостыней.

— Тогда почему отказываетесь?

— Если у меня есть счет и имущество, я справлюсь.

— Вы даже не знаете, сколько у вас активов.

Замечание было справедливым.

— Тогда пусть нотариус объяснит.

Фейт заметно оживился.

— Разумеется.

Кайр потер переносицу.

— Анна.

— Что?

— Вы спорите из принципа.

— Возможно.

— Отказываться от денег по такой причине неразумно.
Я не удержалась от улыбки.

— Вы неожиданно практичны для человека, который разводится со мной после обвинения в шпионаже.

Сиреневый ободок вокруг его зрачков стал ярче. Фейт с особым вниманием уткнулся в бумаги.

— Возьмите содержание хотя бы до передачи имущества,
— сказал Кайр.

Я задумалась.

Обычно я предпочла бы отказаться. Не любила зависеть от других и привыкла рассчитывать на себя. Но в этом мире я не знала даже местной валюты. Упрямство могло обойтись дорого.

— Три месяца.

— Год.

— Три.

— Шесть.

Я посмотрела на нотариуса.

— Он всегда так торгуется?

Фейт кашлянул.

— Я не уполномочен обсуждать характер герцога.

— Жаль.

Кайр едва заметно улыбнулся. От этого лицо стало моложе.

— Шесть месяцев.

— Хорошо.

— Спасибо.

— Не привыкайте.

Улыбка исчезла, но взгляд остался мягче.

Фейт внес срок в приложение. Пока он писал, я снова просмотрела список имущества.

Городской дом на улице Серебряных лип. Две доли в торговом предприятии Эвертов. Земельный участок. Украшения. Ценные бумаги.

И еще один пункт:

«Сиреневый Ключ. Земельное владение: главный дом, лечебный корпус, термальные купальни, хозяйственные постройки, права на использование минерального источника в пределах участка».

Я задержала палец на строке.

— Что это?

— Сиреневый Ключ? — переспросил Фейт.

— Да.

— Старый лечебный комплекс, — объяснил Кайр.

— Он работает?

— Почти нет.

— Почему?

— Источник несколько лет нестабилен. После нескольких неудачных случаев комплекс закрыли.

Я перечитала пункт.

Лечебный комплекс. Минеральный источник.

Впервые после пробуждения передо мной возникло что-

то, что я могла понять. Я не знала местных законов, драконов и семейных союзов, но человеческое тело оставалось человеческим. Боль не менялась от наличия крыльев.

По крайней мере, я надеялась.

— Кому он принадлежит сейчас?

— Вам, — ответил Фейт. — Владение входит в приданое и после расторжения перейдет под ваше прямое управление.

— Долги?

Нотариус нашел нужное приложение.

— Небольшие. Содержание персонала, ремонт. Они не превышают стоимости земли.

— Прибыль?

— Практически отсутствует, — сказал Кайр.

— Персонал?

— Несколько человек. Точное число не помню.

— Как далеко отсюда?

— Около суток поездом и каретой.

— Почему оно оказалось в приданом?

Фейт сверился с бумагами.

— Владение принадлежало вашей матери.

Внутри что-то дрогнуло. Не воспоминание — скорее слабое тепло под ребрами. Я не знала лица этой женщины, но тело отозвалось на ее имя.

— Она там жила?

— В молодости, насколько мне известно, — ответил Фейт.

Кайр не сводил с меня глаз.

— Вы несколько раз хотели уехать туда.

— Когда?

— В первый год брака.

— Почему не уехали?

— Не знаю.

Он не стал придумывать объяснение. Это мне понравилось.

Я снова посмотрела на название.

Сиреневый Ключ. Закрытая лечебница. Старая купальня. Небольшие долги. Ни мужа, ни семьи рядом.

Место, где можно было хотя бы ненадолго перестать изображать женщину, которой я не была.

— Я хочу его.

Кайр нахмурился.

— Что именно?

— Сиреневый Ключ.

— Он и так ваш.

— Тогда хочу, чтобы документы передали мне сразу после развода.

Фейт кивнул.

— Это можно оформить.

Кайр продолжал смотреть на меня.

— Анна, он почти ничего не стоит.

— Тем лучше.

— Там нужен серьезный ремонт.

— Я поняла.

— Лечебный корпус закрыт.

— И это услышала.

— Источник нестабилен.

— Кайр.

Он замолчал.

Я впервые произнесла его имя. Оно оказалось непривычным, но теперь принадлежало конкретному человеку.

— Если это мое имущество, я могу сама решить, что с ним делать?

— Да.

— Тогда в чем проблема?

Он помолчал.

— Ни в чем.

— Отлично.

Фейт снова кашлянул.

— Если вопросов больше нет, можем завершить.

Он положил передо мной исправленный документ.

Я взяла перо. Рука дрогнула — не от страха, а от слабости.

— Не торопитесь, — сказал Кайр.

— Я не тороплюсь.

Я подержала перо, пока пальцы не перестали дрожать, и поставила подпись.

«Анна Вальден».

Почерк оказался уверенным: моторная память прежней Анны сохранилась.

Я посмотрела на подпись и впервые подумала о женщине,

чью жизнь получила вместе с этим телом. Она боялась поставить эти буквы. Я не знала почему. Возможно, когда-нибудь узнаю.

Но сейчас решение принимала я.

Кайр подписал следом.

Фейт приложил печать. Металлическая пластина нагрелась, и по краю бумаги пробежала тонкая светлая линия.

Я напряглась.

— Регистрация завершена, — сказал нотариус.

Вот и все.

Три года брака закончились за несколько секунд.

Кайр снял кольцо. Я посмотрела на свое, стянула его и положила рядом с документом. Кожа под ним была светлее.

На мгновение в груди стало легче.

Затем боль вернулась.

Не резкая — тяжелая, давящая. Сердце сбилось, в ушах зашумело. Я ухватила за край стола.

Кайр поднялся.

— Анна.

— Не надо...

Пол качнулся.

Он оказался рядом, но не прикоснулся сразу, только протянул руку.

— Можно?

Я согласилась.

Кайр поддержал меня за плечи. Его ладонь была горячей

— слишком горячей для обычного человека.

Дракон. Точно.

— Лекаря, — приказал он Фейту.

— Я вызову доктора Халлена.

— Нет.

Слово сорвалось прежде, чем я успела подумать.

Оба мужчины посмотрели на меня. Тошнота усилилась.

Я не знала почему.

Эта реакция осталась от прежней Анны.

— Не его.

Кайр сразу насторожился.

— Почему?

— Не знаю. Просто не его.

— Кого тогда? — спросил Фейт.

Я закрыла глаза.

— Женщину.

— Женщину?

— Лекаря. Женщину.

Кайр не стал спорить.

— Найдите ближайшую женщину-лекаря с городской лицензией.

— Конечно.

Фейт вышел.

Кайр помог мне сесть.

— Воды?

— Да.

Он налил воду и подал стакан. Я держала его обеими руками и пила маленькими глотками. Кайр стоял рядом, не приближаясь без необходимости.

— После осмотра я отвезу вас домой.

— В ваш дом?

— Там остались ваши вещи.

— Уже не жена, но все еще живу у бывшего мужа.

— Несколько дней.

— Звучит не слишком достойно.

— Мне все равно, как это звучит.

Я посмотрела на него.

— Эта черта мне начинает нравиться.

Сиреневый ободок снова проступил в его глазах.

— Какая?

— Вы не пытаетесь сделать все красивее, чем оно есть.

Он помолчал.

— Раньше вас это раздражало.

— Сегодня многое изменилось.

Кайр сел напротив.

— Что вы будете делать с Сиреневым Ключом?

— Сначала доеду туда.

— А потом?

— Посмотрю.

— Вы никогда не интересовались управлением лечебниц.

— Люди меняют интересы после остановки сердца.

— Настолько?

— Вы сами сказали, что я веду себя необычно.

Он смотрел на меня слишком долго. Я понимала: рано или поздно придется объяснить больше.

Но не сегодня.

Сегодня я едва удерживала стакан.

За окном проехала карета. На стене отсчитывали время механические часы. На пальце больше не было кольца.

Я погибла в одном мире и очнулась в другом — в теле женщины, которая боялась развода с мужчиной, не любившим ее.

А я подписала документы меньше чем через час после пробуждения.

Возможно, это было безумием.

Но из всего случившегося развод казался самым понятным решением.

Кайр снова посмотрел на список приданого.

— Сиреневый Ключ почти ничего не стоит.

Я поставила стакан.

Теперь это звучало не как предупреждение, а как последняя попытка понять мой выбор.

— Тогда вам не должно быть жалко его отдавать.

Он медленно покачал головой.

— Он уже ваш.

И впервые за этот невозможный день я почувствовала: у меня есть место, куда можно уйти.

ГЛАВА 1. Чужая

жизнь после подписи

Женщину-лекаря звали Ида Рейн.

Она приехала через сорок минут после того, как я официально перестала быть женой лилового дракона.

За это время я успела выпить еще два стакана воды, выяснить, что до дома Вальденов нас повезут в закрытой карете, и один раз почти упасть, когда попыталась встать без помощи.

Последнее особенно раздражало.

В своей прежней жизни я каждый день объясняла людям после операций, что слабость не является личным оскорблением и телу требуется время. Когда это правило коснулось меня, принять его оказалось гораздо сложнее.

Ида была женщиной лет сорока пяти с коротко остриженными темными волосами и небольшим кожаным чемоданом.

Она вошла в комнату, поздоровалась с нотариусом, посмотрела на Кайра и сразу спросила:

— Пациентка сама может отвечать?

Мне понравилось.

— Может.

— Тогда герцог пока помолчит.

Кайр поднял бровь.

— Я ничего не говорил.

— Значит, у нас прекрасное начало.

Ида села напротив меня.

— Как вас зовут?

— Анна.

Я едва не добавила: «Левицкая».

Вовремя остановилась.

— Полное имя?

Теперь пришлось сделать вид, что я задумалась из-за слабости.

— Анна Эверт.

Кайр перевел на меня взгляд.

Я поняла ошибку.

Развод уже был зарегистрирован, но несколько минут назад нотариус все еще называл меня Вальден.

— Уже Эверт? — спросила Ида.

— Видимо.

Она заметила снятое кольцо возле бумаг.

— Поздравляю или сочувствую?

— Пока не определилась.

— Разумно.

Кайр отвернулся к окну.

Ида продолжила:

— Сколько вам лет?

Я знала возраст тела из документов.

— Тридцать.

— Где вы сейчас?

— В нотариальной палате.

— Какой сегодня месяц?

Вот этого я не знала.

Я посмотрела на Кайра.

Он не подсказал.

Правильно.

— Не помню.

Ида не изменилась в лице.

— Год?

Тоже нет.

— Не помню.

— Что было утром?

— Мне сказали, что я потеряла сознание.

— Вы помните сам момент?

— Нет.

— Что последнее помните перед тем, как пришли в себя здесь?

Я замолчала.

Мокрый асфальт.

Фары.

Металл, смятый где-то совсем рядом.

Но рассказывать это при Кайре и нотариусе я пока не собиралась.

— Ничего полезного.

Ида посмотрела внимательнее.

— Голова болит?

— Немного.

— Тошнота?

— Была.

— Зрение двоится?

— Нет.

— Боль в груди?

— Есть.

— Где?

Я приложила два пальца чуть левее середины груди.

— Здесь. И как будто глубже.

Она открыла чемодан.

Внутри лежали обычные на вид медицинские принадлежности, перемешанные с маленькими стеклянными пластинками, металлическими дисками и мешочками с порошками.

— Расстегните верх платья.

Кайр сразу направился к двери.

Я заметила.

— Вам не обязательно уходить, — сказала Ида.

Он остановился.

— Анна?

Он спросил меня, а не врача.

— Лучше выйдите.

— Хорошо.

Без обиды. Без вопроса «зачем».

Он вышел.

Ида дождалась, пока дверь закроется.

— Боитесь его?

Я удивилась.

— Нет.

— Уверены?

Тело никак не отреагировало на вопрос.

— Да.

— Хорошо.

Она помогла расстегнуть верхние застёжки платья. Под ним оказалась тонкая сорочка.

Я посмотрела вниз и снова испытала странное отчуждение.

Чужая грудь.

Другой цвет кожи.

Небольшая родинка под ключицей, которой у меня никогда не было.

Ида приложила холодный металлический круг к груди.

Я вздрогнула.

— Холодно?

— Очень.

— Сейчас нагреется.

Так и произошло.

Металл медленно становился теплым, без видимого источника.

— Что это?

— Диагностическая пластина.

— Что именно она показывает?

Ида посмотрела на меня.

— Вы правда не помните?

— Похоже.

Она не стала задавать лишних вопросов.

— Пластина принимает тепло тела и показывает, насколько ровно ткани его проводят. После остановки сердца бывают сбои.

На металле проступили три тонкие линии.

Две светлые.

Одна почти серая.

Ида нахмурилась.

— Плохо?

— Непривычно.

— Это очень врачебный ответ.

— Я старалась.

Она переставила пластину ниже, затем приложила маленький камень к внутренней стороне моего запястья.

Камень был молочно-белым.

Через несколько секунд в центре появился теплый желтый оттенок.

— Сердце работает ровнее, чем я ожидала после описания приступа, — сказала Ида.

— Это хорошая новость?

— Да.

— А плохая?

— Вы истощены.

— Насколько?

— Сильно.

Она провела пальцами по моему запястью.

— Вы давно плохо едите?

Я не знала.

— Возможно.

— Спите?

— Не помню.

Ида вздохнула.

— Очень удобно.

— Мне тоже не нравится.

Она дала мне сжать два пальца.

Я сжала.

Сила была жалкой.

Потом попросила поднять руки.

Левая дошла до уровня плеча без проблем. Правая тоже.

Голова закружилась раньше, чем закончилась проверка.

— Достаточно.

Я опустила руки.

— Вы всегда так быстро сдаетесь?

— Я не сдаюсь. Я не вижу смысла доводить пациентку до обморока ради доказательства, что у нее слабость.

Уголок моего рта дернулся.

— Мне начинает нравиться местная медицина.

— Местная?

Черт.

— Городская.

Ида прищурилась.

Я спокойно выдержала ее взгляд.

Она ничего не сказала.

Потом достала вторую пластинку, на этот раз прозрачную,
с тонкой медной кромкой.

— Посмотрите на меня.

Я посмотрела.

Она поднесла пластинку к виску.

По краю прошел слабый свет.

Сначала ровный.

Потом словно сбился.

Ида нахмурилась сильнее.

— Что?

— Еще раз.

Она повторила.

Результат оказался тем же.

— После остановки сердца бывает? — спросила я.

— Бывает многое.

— Это не ответ.

— Потому что точного ответа у меня нет.

Она убрала пластинку.

— Проводимость тела восстанавливается. А вот отклик
на привычные раздражители странный.

— Что значит «привычные»?

— Ваше тело должно одинаково реагировать на знакомые

голоса, собственное имя, старые запахи.

Мне стало неудобно.

— И оно не реагирует?

— Реагирует слабее, чем обычно.

— Амнезия?

— Может быть.

— А еще?

Ида не сразу застегнула чемодан.

— После тяжелой лихорадки, остановки сердца и некоторых магических травм люди иногда меняются сильнее, чем нам хотелось бы объяснять.

— Насколько сильнее?

— Меняется почерк. Вкус. Страхи. Человек забывает близких и помнит вещи, которым его никто не учил.

Я смотрела на нее.

Она продолжила:

— Обычно мы сначала ищем простое объяснение.

— Повреждение мозга.

Ида не поняла слово.

— Чего?

— Головы.

— Да. Нарушение памяти. Недостаток воздуха. Лекарства. Истощение.

Слово «лекарства» вызвало знакомую тошноту.

Я сразу это заметила.

Ида тоже.

— Что?

— Ничего.

— Не врите врачу. Это бессмысленно.

— Когда вы сказали про лекарства, меня затошнило.

Она посмотрела на меня.

— Вы принимали что-нибудь регулярно?

— Не знаю.

— Кто вас лечил?

— Доктор Халлен.

Ида молчала несколько секунд.

— Мне принести то, что он назначал?

— Если найдете.

— Я найду.

Она застегнула чемодан.

— Сегодня вы не едете ни в какой Сиреневый Ключ.

— Я и не собиралась сегодня.

— Хорошо.

— Завтра?

— Тоже нет.

— А послезавтра?

— Если будете есть и не падать.

— Очень высокие требования.

— Я известна жестокостью.

Она помогла застегнуть платье.

— Я хочу осмотреть вас завтра утром.

— В доме Вальденов?

— Если вы там будете.

— Пока буду.

— Отлично.

Я открыла рот.

Ида подняла палец.

— Это медицинское «отлично». Его можно говорить.

— Буду знать.

Она встала.

— И еще.

— Что?

— Если начнете вспоминать вещи, которых, по вашему мнению, никогда не было, записывайте. Не пытайтесь сразу решить, правда это или нет.

— Почему?

— Потому что память после остановки сердца иногда ведет себя хуже пьяного свидетеля.

— Убедительно.

Ида направилась к двери.

— Герцога можно вернуть?

— Да.

Кайр вошел почти сразу, словно все это время стоял рядом.

Возможно, так и было.

— Что с ней? — спросил он.

Ида посмотрела на него.

— Я сказала, что отвечать будет пациентка.

— Что с вами? — спросил он у меня.

Я усмехнулась.

— Истощение, слабость, проблемы с памятью и странная реакция на привычные раздражители.

Ида одобрительно кивнула.

— Очень неплохо.

Кайр нахмурился.

— Насколько это опасно?

— Сейчас я больше боюсь повторного обморока, чем странностей памяти.

— Что нужно?

— Еда. Вода. Сон. Никаких сильных лекарств без моей проверки.

Последняя фраза заставила меня посмотреть на нее.

Кайр тоже это заметил.

— Почему?

Ида ответила осторожно:

— Потому что я еще не знаю, что леди Эверт принимала раньше и могло ли это повлиять на состояние.

— Халлен назначал успокаивающее.

Тело напряглось.

Совсем немного.

Ида посмотрела на мои руки.

— Какое?

— Не помню название. Его врачебная служба пришлет записи.

— Не нужно пока.

Кайр удивился.

— Почему?

— Я хочу увидеть лекарства физически.

Она взяла перчатки.

— Завтра.

После ее ухода Кайр велел подать карету.

Я собиралась возразить, что могу ехать сама, но потом вспомнила: я понятия не имела, где находится дом Вальде-нов.

Пришлось смириться.

На улице оказалось холоднее, чем я ожидала.

Город встретил меня серым небом, каменными фасадами и шумом колес.

Я остановилась на ступенях нотариальной палаты.

Кайр стоял рядом.

— Что?

— Ничего.

Я смотрела.

По улице ехали обычные кареты.

Но между ними двигался длинный общественный экипаж с металлической полосой вдоль крыши. Полоса едва светилась в местах крепления.

На противоположной стороне площади женщина приложила маленькую пластину к стойке почтовой станции. По металлу пробежал белый импульс.

Над домами виднелись очень широкие крыши и странно высокие арки.

Некоторые входы были в два раза шире обычных.

— Вы снова все забыли? — тихо спросил Кайр.

— Не все.

— А что помните?

Опасный вопрос.

— Пока недостаточно, чтобы составлять список.

Он не стал давить.

Карета ждала у тротуара.

Кайр открыл дверь.

Я остановилась.

— Вы едете со мной?

— Да.

— Зачем?

— Вы едва стоите.

— Это не требует герцога.

— Мне по пути.

— В собственный дом?

— Именно.

Я села.

Он устроился напротив.

Карета тронулась.

Я сразу поняла, что дороги здесь ненамного лучше прежних.

После третьей ямы пришлось придержаться рукой за си-

денье.

Кайр заметил.

— Болит?

— Только чувство собственного достоинства.

Он чуть улыбнулся.

— Кареты его часто травмируют.

— Значит, у вас есть опыт.

— Большой.

Мы ехали молча минут десять.

Я смотрела в окно.

Город был достаточно знакомым по логике, чтобы не пугать, и достаточно чужим, чтобы невозможно было забыть, где я нахожусь.

Вывески.

Люди.

Магазины.

Кофейни.

Книжная лавка.

Банк.

И одновременно — светящиеся металлические вставки возле дверей, небольшие камни в уличных фонарях, высокие платформы на крышах некоторых зданий.

У одной платформы стоял мужчина с широкими кожаными ремнями поверх одежды.

Я смотрела слишком долго.

— Посадочная площадка, — объяснил Кайр.

— Для драконов?

— Да.

— В центре города?

— Только для служебных маршрутов.

— А вы можете здесь летать?

— Нет, без разрешения.

Это неожиданно успокаивало.

Хотя бы драконы не могли приземляться на любой балкон по настроению.

— Почему?

— Пожары. Потоки воздуха между зданиями. Люди внизу.

— Логично.

Он снова посмотрел внимательнее.

— Вы действительно ничего этого не помните.

Я перевела взгляд на него.

— Хотите честный ответ?

— Желательно.

— Я не уверена, что именно помню.

Это было максимально близко к правде, которую я сейчас могла дать.

Кайр кивнул.

— Тогда не буду спрашивать в дороге.

— Почему?

— Вы устали.

Я не ожидала такого простого ответа.

Дом Вальденов находился ближе к окраине.

Я назвала бы его дворцом, если бы не знала, что это просто семейный городской дом.

Три этажа.

Светлый камень.

Большие окна.

Широкие входы.

Внутри было тепло.

Очень тепло.

Я сразу заметила плоские темные камни в стенах возле пола.

— Отопление?

Кайр посмотрел туда.

— Тепловые камни.

— Долго держат температуру?

— Да.

Он ничего не сказал, но явно отметил очередной странный вопрос.

В холле нас встретили четверо слуг.

Слишком много для моего комфорта.

Женщина лет пятидесяти в темном платье шагнула вперед.

— Милорд. Миледи.

Она посмотрела на меня.

Потом на пустой палец.

Ее лицо не изменилось.

— Уже не миледи Вальден, — сказала я.

Слуги одновременно стали очень неподвижными.

Кайр вздохнул.

— Анна.

— Что?

— Они и так узнают через час.

— Тогда я сэкономила час.

Женщина в темном платье впервые посмотрела на меня с чем-то похожим на удивление.

— Госпожа Эверт, — исправилась она. — Ваши комнаты готовы.

— Спасибо.

Я ждала, что тело подскажет дорогу.

Не подсказало.

Женщина заметила.

— Вас проводить?

— Пожалуйста.

Еще одна маленькая победа над собственной гордостью.

Кайр остался в холле.

Я поднялась на второй этаж.

Лестница была широкой, ступени низкими. Видимо, ее проектировали с учетом людей после трансформации или просто богатых аристократов с плохими коленями.

На середине пришлось остановиться.

Сердце начало биться быстрее.

Женщина впереди тоже остановилась.

— Позвать кого-нибудь?

— Нет. Просто минуту.

Она не спорила.

— Как вас зовут?

— Лисса Варн. Я отвечаю за женскую половину дома.

— Давно?

— Девять лет.

Значит, знала прежнюю Анну весь брак.

Полезно.

И опасно.

— Мы с вами часто разговаривали?

Лисса посмотрела на меня.

— Не очень.

— Я была неприятной?

Она явно не ожидала вопроса.

— Нет.

— Это не ответ.

— Вы были тихой.

Тихой.

Я продолжила подниматься.

— Насколько?

Лисса помолчала.

— В последнее время почти не выходили из комнат.

— Почему?

— Говорили, что устаете.

— А раньше?

— Ездили к семье. Иногда в город. Несколько раз в Си-
реневый Ключ.

Я остановилась.

— Когда последний раз?

— Почти два года назад.

— Одна?

— С сопровождающей.

— Вы ездили?

— Нет.

Коридор второго этажа был длинным.

Лисса открыла двустворчатую дверь.

— Ваши комнаты.

Я вошла.

Первая реакция была неприятной.

Красиво.

Очень.

И совершенно безжизненно.

Гостиная в холодных голубых тонах.

Светлый ковер.

Два кресла.

Шкаф.

Камин.

На столе идеально ровная стопка книг.

Ни одной случайно оставленной вещи.

Ни чашки.

Ни недописанного письма.

Ничего, что говорило бы о человеке.

— Я жила здесь три года?

— Да.

— А герцог?

Лисса повернула голову.

— Его комнаты в другом крыле.

Значит, действительно отдельные спальни.

— Он часто бывал здесь?

Она ответила осторожно:

— Не особенно.

Еще одна часть чужой жизни встала на место.

Политический брак.

Корректный муж.

Тихая жена.

Разные комнаты.

Я прошла в спальню.

Там было немного теплее.

На туалетном столике стояли флаконы.

Тело отреагировало сразу.

Я остановилась у двери.

— Что?

Лисса проследила мой взгляд.

— Лекарства.

— Доктора Халлена?

— Да.

Тошнота.

Снова.

— Не трогайте их.

— Хорошо.

Я подошла медленно.

На столике стояли три маленьких темных флакона.

Один почти пустой.

Два закрытых.

Возле них лежала ложка с узким желобком.

— Как часто я это принимала?

Лисса напряглась.

— Госпожа...

— Я не собираюсь вас обвинять.

— Утром и вечером.

— Каждый день?

— Да.

— Давно?

— Несколько месяцев.

— А до этого?

— Были другие капли.

— Их выбросили?

— Наверное.

Я посмотрела на почти пустой флакон.

Меня потянуло отойти прежде, чем я успела подумать.

Сработала не мысль, а телесная память.

Я сделала шаг назад.

— Ида Рейн завтра проверит состав.

— Лекарь Рейн?

— Вы ее знаете?

— По имени.

— Это плохо?

— Нет. Она считается хорошим специалистом.

— Тогда пусть никто не убирает комнату до ее приезда.

Лисса удивилась.

— Совсем?

— Столик точно не трогать.

— Хорошо.

Я открыла шкаф.

Платья.

Много.

Дорогие ткани, спокойные цвета.

Почти все строгие.

На одной полке лежали аккуратно сложенные перчатки.

На другой — шляпки.

Я закрыла шкаф.

— Где документы?

— Какие?

— Мои.

— Часть в письменном столе. Финансовые бумаги у управляющего. Семейные...

Она замялась.

— Что?

— Семейные бумаги могли храниться в кабинете герцога.

— Я хочу только свои.

— Тогда стол.

В гостиной стоял небольшой секретер.

Первый ящик открылся без ключа.

Второй был заперт.

Я машинально потянулась к маленькой шкатулке рядом.

Я нажала на скрытую защелку снизу, не успев осознать движение.

Я остановилась.

Еще одна привычка прежней Анны сохранилась без воспоминания.

Внутри лежали четыре ключа.

— Этот? — спросила я у Лиссы.

Она не знала.

Первый не подошел.

Второй открыл ящик.

Внутри были письма, счета, банковские выписки и тонкая тетрадь.

Наконец.

— Можете оставить меня одну?

Лисса посмотрела на меня с сомнением.

— Вы уверены?

— Да. Если станет плохо, позвоню.

Я показала на колокольчик.

— Вы помните, как им пользоваться?

Я посмотрела на него.

— Это сегодня один из немногих навыков, которыми могу похвастаться.

Она не поняла шутку, но ушла.

Я села за стол.

Первым делом проверила банковские выписки.

Читать цифры было легче, чем юридические формулировки.

Суммы мало что говорили без понимания цен, но счет явно не был пустым.

Хорошо.

Шесть месяцев содержания от Кайра тоже были уже закреплены нотариально.

Я не собиралась строить независимость на красивом отказе от денег, если деньги законно мои.

Но и превращать бывшего мужа в пожизненный кошелек не хотела.

Потом счета.

Платья.

Украшения.

Лекарства.

Пожертвования.

И неожиданно:

«Сиреневый Ключ. Ремонт западного отвода».

Сумма небольшая.

Через два месяца:

«Сиреневый Ключ. Жалованье двум работникам».

Еще позже:

«Замена окон в лечебном корпусе».

Я разложила бумаги по датам.

Переводы продолжались почти два года.

Небольшие.

Регулярные.

О них не упоминалось в документах о приданом.

Значит, прежняя Анна сама отправляла деньги в лечебницу.

Я открыла тетрадь.

Не дневник в привычном смысле.

Скорее список дел и короткие заметки.

«Написать Марте».

«Спросить о второй купальне».

«Узнать цену нового насоса».

«Не говорить Леону до ответа».

Я остановилась.

Леон.

Брат.

Следующая запись была через неделю:

«Ответа нет».

Потом:

«К. сказал, что на севере опять снег. Не спрашивать».

К.

Кайр?

Я перевернула страницу.

Почерк становился менее ровным.

«Спала до полудня».

«Халлен снова увеличил дозу».

Я наклонилась ближе.

«Не хочу. Леон сказал слушать врача».

Еще одна запись:

«После капель трудно читать».

Через несколько страниц почти пусто.

Только даты.

Иногда одно слово.

«Устала».

«Спала».

«Голова».

Мне стало холодно, хотя в комнате было тепло.

Я посмотрела на спальню.

На ровно заправленную кровать.

На лекарства.

Тихая жена.

Уставшая жена.

Нервная жена.

Женщина, которая почти перестала выходить из комнат.

Я не знала, что именно с ней происходило.

Но впервые стало ясно: она могла молчать не потому, что у нее не было мыслей.

Возможно, у нее просто оставалось все меньше сил их выражать.

Я вернулась к письмам.

Большинство были от семьи.

Леон Эверт писал часто.

Формулировки звучали заботливо.

«Тебе нужно беречь себя».

«Не спорь с Халленом».

«Кайр занят делами рода, не требуй лишнего внимания».

«Если Вальден поднимет вопрос о северных соглашениях, не проявляй инициативу».

«Не беспокойся о Сиреневом Ключе. Мы решим вопрос сами».

Последняя фраза заставила меня перечитать письмо.

Решим вопрос.

Какой?

Следующий конверт был старше.

Почерк другой.

Женский.

«Анна, если в доме Вальденов станет слишком тяжело, помни, что Сиреневый Ключ всегда был твоим местом. Я оформила его на тебя именно поэтому. Не как выгодное приданое, а как дверь, которую никто не сможет закрыть без твоего согласия».

Я перестала дышать.

Внизу стояло имя:

«Мама».

Тело отреагировало сильнее, чем раньше.

Не воспоминанием.

Горло сжалось.

Глаза защипало.

Я не знала женщину, написавшую письмо.

Но тело, похоже, когда-то знало.

Я провела пальцами по бумаге.

Следующая строка:

«Если когда-нибудь захочешь уехать туда, не спрашивай разрешения ни у меня, ни у мужа, ни у брата. Это твое».

Я закрыла глаза.

Мне вдруг стало стыдно.

Сегодня в нотариальной палате я думала о Сиреневом Ключе как о случайной возможности.

Старой лечебнице, где мои знания могли пригодиться.

А для прежней Анны это место было чем-то другим.

Выходом.

Дверью.

Которой она так и не воспользовалась.

Я положила письмо отдельно.

Потом снова взялась за тетрадь.

Последние записи были сделаны совсем недавно.

«Кайр хочет развод».

Следующая:

«Леон сказал тянуть время».

Еще через два дня:

«Халлен увеличил вечернюю дозу».

И последняя:

«Нельзя потерять Ключ».

Я сидела очень долго.

Не знаю сколько.

За окном начало темнеть.

В какой-то момент дверь тихо открылась.

Я подняла голову.

Кайр стоял на пороге.

Потом постучал по уже открытой двери.

— Можно?

Странно.

Он жил в этом доме.

А спрашивал разрешения войти в комнаты женщины, которая еще утром была его женой.

— Да.

Он вошел.

В руках держал папку.

— Элмар прислал копии документов по разводу и предварительную опись имущества.

— Быстро.

— Это его работа.

Кайр заметил бумаги на столе.

— Вы нашли что-то?

Я закрыла тетрадь.

— Пока пытаюсь понять собственную жизнь.

Он остановился.

— И как?

— Не очень успешно.

Он не стал подходить к столу.

— Лекарь сказала отдыхать.

— А вы всегда выполняете врачебные рекомендации?

Вопрос вырвался сам.

Кайр чуть нахмурился.

— Обычно.

— Не верю.

— Почему?

— Не знаю. Профессиональная интуиция.

— Какая профессия?

Я не сразу нашлась с ответом.

Слишком рано.

— Забудьте.

— Трудно.

— Тогда считайте странностью после остановки сердца.

Он посмотрел на меня.

— Их становится много.

— Я тоже заметила.

Кайр положил папку на свободный край стола.

— Здесь документы на городской дом, счета и Сиреневый

Ключ. Окончательная регистрация займет несколько дней.

— Хорошо.

— Я распорядился подготовить сопровождение.

— Куда?

— В Сиреневый Ключ.

— Не нужно.

— Анна.

— Я не поеду одна. Можно нанять людей.

— Уже нанял.

Я посмотрела на него.

— Вы не спросили.

Он остановился, будто сам услышал проблему.

— Да.

— Это мое имущество.

— Да.

— И моя поездка.

— Да.

— Тогда почему вы решаете, кто меня сопровождает?

Кайр медленно выдохнул.

— Потому что сегодня ваше сердце остановилось, а второй обморок едва не произошел у нотариуса.

— Это аргумент. Но не право распоряжаться.

Он несколько секунд молчал.

— Согласен.

Ответ пришел быстрее, чем я ожидала.

— Что?

— Я сказал, что согласен.

— И что теперь?

— Спросить.

Он выпрямился.

— Вы хотите взять с собой двоих людей из охраны Вальденов до Сиреневого Ключа?

Я задумалась.

Отказаться хотелось мгновенно.

Но сутки дороги в незнакомом мире, слабость и полное отсутствие понимания местных правил делали гордость плохим советчиком.

— Только до места.

— Да.

— Потом они возвращаются.

— Если вы этого хотите.

— Хочу.

— Хорошо.

— И я сама оплачиваю поездку.

— Не вижу смысла.

— А я вижу.

— У вас еще нет доступа к счетам.

— Тогда вычтете из тех шести месяцев содержания, которые так удачно у меня выторговали.

В его глазах появилось сиреневое кольцо.

— Вы действительно собираетесь считать каждую поездку?

— Не каждую. Только те, которые относятся ко мне.

— Это почти все ваши поездки.

— Тогда придется вести хороший учет.

Он провел ладонью по подбородку.

— Я начинаю понимать, почему Элмар выглядел уставшим.

— Мы знакомы несколько часов.

— Ему хватило.

Я улыбнулась.

Впервые разговор с Кайром казался почти обычным.

Потом он заметил флаконы на туалетном столике через открытую дверь спальни.

— Вы принимали лекарства?

— Нет.

— Почему они стоят там?

— Потому что прежняя...

Я оборвала себя.

Кайр мгновенно стал внимательнее.

— Что?

— Потому что я принимала их раньше.

Он смотрел на меня.

— Вы не помните?

— Нет.

— Халлен назначал их давно.

— Насколько?

— Первые успокаивающие — около года назад. Эти, кажется, несколько месяцев.

— Вы контролировали назначения?

Его лицо стало холоднее.

— Нет.

— Почему?

— Это были ваши лекарства.

— Я была вашей женой.

— Это не дает мне права проверять назначения вашего врача.

Ответ оказался разумным.

И одновременно в нем находилась вся проблема этого брака.

Он не вмешивался.

Не спрашивал.

Не проверял.

Если жена молчала, значит, хотела тишины.

Я посмотрела на него.

— Вы когда-нибудь спрашивали, почему мне становится хуже?

Кайр молчал.

— Нет?

— Спрашивал.

— И что я отвечала?

— Что устаете. Что врач считает это временным.

— А вы поверили.

— Да.

Он не защищался.

Мне стало сложнее сердиться.

— Понятно.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что тело не хочет даже смотреть на эти флаконы.

Сиреневый ободок стал ярче.

— Что значит «тело не хочет»?

Еще одна ошибка.

— Меня тошнит от их запаха.

Это тоже было правдой.

— Вы открывали?

— Нет.

— Тогда откуда знаете запах?

Я посмотрела на него.

Он был внимательнее, чем казался.

— Не знаю.

Кайр не ответил.

Я закрыла тетрадь окончательно.

— Завтра Ида проверит состав.

— Хорошо.

Он направился к двери, но я остановила его:

— Кайр.

— Да?

— Почему вы предложили мне дополнительное содержание?

— Я уже отвечал.

— Не полностью.

Он повернулся.

— Вы считаете, моя семья может попытаться распоря-

жаться моими деньгами?

— Я считаю, Леон привык участвовать в ваших финансовых решениях.

— Насколько активно?

— Очень.

— И вам это не нравилось.

— Мне было все равно, пока это не касалось Вальденов.

Честно.

— А теперь?

— Теперь вы разведены. Значит, это не мое дело.

Я посмотрела на него.

И снова услышала ту же границу.

Не мое дело.

Не вмешиваться.

Не спрашивать.

Не контролировать.

Возможно, три года назад это казалось благородством.

А женщине в этих комнатах, вероятно, казалось одиночеством.

— Шесть месяцев содержания останутся, — сказала я.

Кайр явно не ожидал.

— Хорошо.

— Но больше не нужно.

— Я хотел предложить дополнительный счет на первые расходы Сиреневого Ключа.

— Нет.

— Вы даже не знаете стоимость ремонта.

— Поэтому сначала узнаю.

— Анна...

— Законное приданое я принимаю. Содержание, о котором уже договорились, тоже. Но оплачивать восстановление моего имущества бывший муж не будет.

— Почему?

Вопрос прозвучал без раздражения.

Я задумалась.

Потому что хотела доказать самостоятельность?

Это было бы слишком похоже на мою прежнюю жизнь.

Я всегда тащила все сама, а потом удивлялась, почему никто не предлагает помочь.

— Потому что пока не хочу смешивать наши деньги сильнее, чем необходимо.

Кайр кивнул.

— Это понятная причина.

— Спасибо.

— Если передумаете, предложение останется.

— Не обещаю.

— И не нужно.

Он вышел.

Я еще некоторое время сидела над бумагами.

Потом тело наконец выиграло спор.

Мне пришлось лечь.

Проснулась я ночью.

Сначала не поняла, где нахожусь.

Высокий потолок.

Тяжелые шторы.

Теплый камень в стене возле кровати.

На секунду возникла паника.

Потом память вернулась.

Не чужая.

Моя.

Авария.

Нотариус.

Развод.

Дракон.

Сиреневый Ключ.

Я лежала и смотрела в темноту.

Тело болело так, словно я несколько дней провела с высокой температурой.

Хотелось пить.

Я села.

На прикроватном столике стоял кувшин.

Рядом — маленький темный флакон.

Я точно помнила, что вечером его там не было.

Сон исчез мгновенно.

Я взяла лампу.

На флаконе была этикетка доктора Халлена.

Крышка закрыта.

Рядом лежала записка:

«Госпоже Эверт. Вечерняя доза по назначению доктора».

Кто-то принес лекарство, несмотря на прямое указание ничего не принимать до осмотра Иды.

Я не стала открывать.

Позвонила.

Лисса пришла через несколько минут, уже одетая поверх ночной рубашки в длинный халат.

Увидела флакон и побледнела.

— Кто это принес?

— Я не знаю, госпожа.

— Он лежал здесь, когда вы уходили?

— Нет.

— Кто имеет доступ в комнаты?

— Горничная. Я. Иногда личная служанка...

Она замолчала.

— Какая служанка?

— Ваша прежняя помощница уехала две недели назад.

— Почему?

— Вы сами ее отпустили.

— Значит, сейчас?

— Вечером была Мира. Я спрошу.

Я посмотрела на флакон.

— Не надо сейчас поднимать весь дом.

— Но...

— Просто заберите и закройте у себя до утра.

— Почему не оставить здесь?

— Потому что я не хочу проснуться и обнаружить, что выпила его по привычке.

Лисса посмотрела на меня с новым выражением.

— Вы никогда раньше не отказывались.

— Я начинаю это понимать.

Она осторожно взяла лекарство.

— Еще что-нибудь?

— Да. Когда я жила здесь, я часто просыпалась ночью?

— Иногда.

— И принимала капли?

— Если не могли уснуть.

— Кто приносил?

— Обычно они уже стояли у кровати.

Холод прошел по спине.

— Понятно.

Лисса направилась к двери.

— И еще.

Она остановилась.

— Завтра мне нужны все оставшиеся лекарства, счета доктора Халлена и письма от дома Эверт, которые сможете найти.

— Все?

— Все мои.

— Хорошо.

Дверь закрылась.

Я долго сидела в кровати.

Перед глазами стояла последняя запись из тетради:

«Халлен увеличил вечернюю дозу».

Я не знала, что было во флаконах.

Не знала, вредили они первой Анне или действительно помогали.

Не знала, почему ее тело так на них реагировало.

Но впервые с момента пробуждения я почувствовала не растерянность.

Злость.

Не на Кайра.

Даже не на Леона, которого пока знала только по письмам.

На самую ситуацию.

На женщину, которая три года жила в красивых комнатах, принимала лекарства, становилась слабее и продолжала писать короткие заметки о лечебнице, куда почему-то так и не уехала.

Утром Ида пришла рано.

Я уже была одета.

— Это хороший знак, — сказала она.

— Вы пока не видели мой завтрак.

— Ели?

— Половину.

— Тогда средний знак.

Лисса принесла флаконы.

Ида разложила их на столе.

Не открывала сразу.

Сначала проверила печати.

Два были из аптечной службы Эвертов.

Один — без аптечной маркировки, только с личной печатью Халлена.

— Это нормально? — спросила я.

— Иногда врач готовит состав сам.

— А иногда?

— Иногда это раздражает других врачей.

Она открыла почти пустой флакон и понюхала.

Тело отреагировало мгновенно.

Я отвернулась.

Ида заметила.

— Вот это уже интересно.

— Чем?

— Вы отреагировали до того, как запах должен был нормально дойти.

— Тело помнит?

— Возможно.

Она капнула состав на стеклянную пластину.

Потом добавила каплю воды.

Жидкость стала мутной.

— Что там?

— Успокаивающая основа. Несколько минеральных солей. Что-то еще.

— Опасное?

— Не знаю.

— Сколько нужно времени?

— Чтобы понять полностью — день или два. Но эту смесь вы больше не принимаете.

— Я и не собиралась.

Ида посмотрела на остальные.

— Здесь тоже есть успокаивающее.

— Мне его давали утром и вечером.

— Каждый день?

— По словам Лиссы.

Она нахмурилась.

— Несколько месяцев?

— Да.

— Тогда часть слабости может быть связана с постоянным приемом.

— Может?

— Я не обещаю выводы раньше анализа.

— Вы очень неудобный врач.

— За это мне платят.

После осмотра она разрешила короткую прогулку по дому, нормальную еду и дорогу не раньше следующего утра.

— А поезд?

— Если есть отдельное купе и вы не будете бегать между вагонами.

— Я постараюсь.

— И вам нужен кто-то рядом.

— Будут двое сопровождающих до Сиреневого Ключа.

Ида одобрительно кивнула.

— Разумно.

— Не говорите Кайру. Он станет невыносим.

— Вы уже называете герцога по имени.

Я посмотрела на нее.

— Мы разведены.

— Именно поэтому и заметила.

— Не придумывайте роман там, где его нет.

— Я лекарь. Мне хватает болезней.

Она ушла с лекарствами.

После обеда пришел Элмар Фейт с окончательными документами.

Оказалось, иметь собственное состояние приятно даже в мире, где ты не понимаешь половины банковских терминов.

Он объяснил:

городской дом сдавался;

ценные бумаги приносили небольшой доход;

земельный участок был передан в аренду;

Сиреневый Ключ требовал расходов, но долговая нагрузка оставалась умеренной.

— То есть я не разорена.

— Далеко нет.

— Семья Эверт может распоряжаться моими счетами?

— Нет.

— Леон?

— Нет.

— Он имел доступ раньше?

Элмар задумался.

— К некоторым операциям — через семейную доверенность.

— Она еще действует?

— После развода вы можете ее отозвать.

— Отзываем.

— Уверены?

— Да.

Он сделал пометку.

— Еще что-нибудь?

— Все документы по Сиреневому Ключу направлять только мне.

— Раньше копии получал дом Эвертов.

— Теперь нет.

Элмар снова записал.

— Госпожа Эверт, вы действительно сильно изменились.

Я посмотрела на него.

— Мне уже говорили.

— Не хотел обидеть.

— Я и не обиделась.

— Простите за личный вопрос.

— Уже страшно.

Он слегка улыбнулся.

— Вы уверены, что хотите уехать так быстро?

— Почему все пытаются оставить меня здесь?

— Я не пытаюсь.

— Тогда почему спрашиваете?

— Сиреневый Ключ последние годы был тяжелым местом даже для людей, которые знали, куда едут.

— Я не знаю.

— Именно.

Я задумалась.

— Возможно, поэтому мне и нужно туда.

Он не понял, но больше не спорил.

К вечеру я собрала один небольшой чемодан.

Вернее, Лисса собрала, а я половину вещей из него выбросила.

— Зачем мне четыре вечерних платья?

— Они могут вам понадобиться.

— В закрытой лечебнице?

— Вдруг будут гости.

— Тогда гости переживут мое дневное платье.

Лисса смотрела на меня как на человека, который сознательно разрушает цивилизацию.

— Три хотя бы.

— Одно.

— Два.

Я рассмеялась.

— Хорошо. Два.

Она победно сложила второе.

Вещи первой Анны вызывали странное чувство.

Я не считала их своими.

Но теперь должна была их носить.

Украшения оставила почти все.

Взяла только простые серьги и часы.

Письмо матери положила в отдельный карман.

Тетрадь тоже.

Лекарства Ида забрала.

Остальные документы отправят позже.

Когда чемодан был закрыт, в дверь постучали.

Кайр.

На этот раз я уже узнала стук.

Два ровных удара.

— Входите.

Он открыл дверь.

Посмотрел на чемодан.

— Завтра утром?

— Да.

— Поезд в восемь десять.

— Знаю.

— Станция далеко.

— Я встану.

— Это не то, о чем я беспокоюсь.

— Ида разрешила.

— Она сказала мне.

Я подняла брови.

— Вы с ней разговаривали?

— Она сама сообщила правила поездки.

— Предательница.

— Очень ответственная женщина.

— К сожалению.

Он протянул папку.

— Документы по сопровождающим и дорожным расходам.

Я взяла ее.

— Быстро.

— Это несложно.

— Для вас.

— Для управляющего.

Честный ответ.

Я открыла папку.

Двое охранников ехали только до Сиреневого Ключа и возвращались следующим поездом.

Как договаривались.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он не уходил.

— Еще что-то?

— Да.

Кайр посмотрел на Лиссу.

Она сразу поняла.

— Я проверю дорожный плащ.

И вышла.

Я скрестила руки.

— Теперь становится интересно.

— Халлен прислал медицинские записи.

Я перестала улыбаться.

— Где?

— У меня.

— Почему не принесли?

— Потому что сначала хочу спросить, нужны ли они вам.

Я смотрела на него.

— Это мои записи.

— Да.

— Значит, нужны.

— Хорошо.

Он протянул вторую папку.

Я взяла ее.

— Вы читали?

— Нет.

— Почему?

— Они ваши.

Опять.

Та же граница.

Я открыла первую страницу.

Доктор Халлен.

Дата начала лечения — одиннадцать месяцев назад.

Диагноз звучал как «нервное истощение с нарушением сна и пищевого поведения».

Назначения.

Капли.

Покой.

Ограничение поездок.

Через месяц — повышение дозы.

Через два — еще одно.

— Вы правда никогда этого не видели?

— Нет.

— Даже когда я перестала выходить?

Кайр напряг челюсть.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы говорили, что хотите, чтобы я не вмешивался.

Я подняла глаза.

— Я это говорила?

— Несколько раз.

— В каком состоянии?

Он не ответил сразу.

— Не знаю.

Справедливо.

— Хорошо.

Я закрыла папку.

— Спасибо, что не читали.

— Анна.

— Да?

— Если найдете там что-то, что касается дома Вальденов или вашей безопасности...

Он замолчал.

Я ждала.

— Я могу помочь.

Не «сообщите мне».

Не «я разберусь».

Могу.

— Если понадобится, скажу.

Кайр кивнул.

У двери остановился.

— Я рад, что вы взяли Сиреневый Ключ.

Это удивило.

— Почему?

— Не знаю.

— Очень содержательно.

— Вы давно не выбирали ничего для себя.

Я не нашла, что ответить.

Он вышел.

На следующее утро я спустилась в холл сама.

Медленно.

С остановкой на середине лестницы.

Но сама.

У двери стоял чемодан.

Рядом ждали двое сопровождающих.

Лисса поправляла мой шарф.

— Вы вернетесь?

Вопрос застал врасплох.

— За вещами точно.

Она посмотрела на меня.

Я поняла, что ответ получился жестче, чем хотелось.

— Я не знаю, Лисса.

— Конечно.

— Но спасибо вам.

Она улыбнулась.

Немного грустно.

Кайр появился из коридора.

Без официального сюртука, в темной дорожной одежде.

Я посмотрела на него.

— Только не говорите, что тоже едете.

— Не еду.

— Слава здравому смыслу.

— Я пришел проводить.

— Это разрешено.

Уголок его рта дрогнул.

Слуга открыл дверь.

Снаружи было холодно.

Карета ждала.

Я надела перчатки.

Кайр протянул мне небольшой кожаный футляр.

— Что это?

— Дорожная пластина связи.

— Телефон?

Он не понял.

— Что?

— Ничего.

Я открыла футляр.

Внутри лежала металлическая пластинка размером с ладонь.

— Как работает?

Кайр несколько секунд молчал.

Потом объяснил.

Чтобы отправить короткое сообщение, нужно было вставить пластину в почтовую стойку на станции. У каждого владельца был номер регистрации.

Очень неудобный телефон.

Но лучше, чем ничего.

— Номер Вальденов уже записан?

— Да.

— А Сиреневого Ключа?

— Если старая линия еще существует, управляющая подкажет.

— Марта?

— Она лекарь. Хозяйством раньше занимался другой человек.

— Понятно.

Я убрала футляр.

— Спасибо.

— Это не подарок. Пластина принадлежит вам по договору связи.

— Тогда благодарность отменяется.

— Уже принята.

Я покачала головой.

Карета была в нескольких шагах.

Почему-то уходить оказалось сложнее, чем я ожидала.

Не из-за Кайра.

Из-за дома.

В нем прожила три года другая женщина.

Спала в той кровати.

Принимала лекарства.

Писала короткие заметки.

Боялась развода.

А теперь я уезжала из ее жизни, не зная, вернусь ли когда-нибудь сюда по собственной воле.

Я посмотрела на Кайра.

Он стоял на ступенях.

Мой бывший муж.

Человек, которого вчера я не знала вообще.

Сегодня знала чуть больше.

Он не был жестоким.

Не был спасителем.

Не был моей опорой.

Он был мужчиной, который три года жил рядом с женщиной и, похоже, так и не понял, что с ней происходило.

Но теперь это касалось уже не брака.

Я взялась за дверцу кареты.

— Анна.

Я обернулась.

— Если в Сиреновом Ключе окажется хуже, чем вы ожидаете, это не означает, что нужно оставаться там из упрямства.

Я улыбнулась.

— А если лучше?

— Тогда мне придется признать, что вы были правы.

— Теперь я точно поеду.

Кайр покачал головой.

Я села в карету.

Дверца закрылась.

Через несколько минут дом Вальденов исчез за поворотом.

Я откинулась на спинку сиденья и впервые позволила себе подумать о том, что будет дальше.

Я не знала.

И неожиданно это не пугало.

У меня были деньги.

Было имущество.

Была старая лечебница, которую прежняя Анна почему-то пыталась сохранить.

Была профессия, о которой здесь пока никто не знал.

И было чужое тело, с которым мне еще предстояло на-

учиться жить.

А мужчина, с которым это тело три года состояло в браке, остался позади.

Кайр Вальден больше не был моим мужем.

Не был моей обязанностью.

Не был человеком, которого мне требовалось понимать, спасать или убеждать в собственной ценности.

Он больше не был моей проблемой.

Пока.

ГЛАВА 2. Сиреневый Ключ

До поезда я добралась без приключений — уже неплохое начало.

На вокзале, правда, выяснилось, что железная дорога Эрдана не слишком уважает человеческие планы.

Над кассами, рядом с номером нашего поезда, горела желтая пластина.

— Что это значит? — спросила я у одного из сопровождающих.

Его звали Рейд. Второго — Саймон. Оба служили в охране Вальденов, оба давно вышли из юношеского возраста и оба с утра изображали людей, для которых сопровождение бывшей жены хозяина в разваливающуюся лечебницу было обычной рабочей задачей.

Рейд поднял взгляд к табло.

— Перегрелся проводящий блок на северной линии.

— И сколько ждать?

— Пока заменят.

— Очень точный прогноз.

— От получаса до двух часов.

— Уже почти расписание.

Я оглядела вокзал.

Под стеклянным потолком гудела толпа. Носильщики проталкивали тележки между пассажирами, у касс тянулись

очереди, из дальнего зала доносился тяжелый металлический гул. Паровозов я не видела, зато в каменный пол возле платформ были вмурованы длинные медные полосы. Некоторые мерцали тусклым желтым светом.

Я остановилась возле одной.

— Не наступайте на стык, — предупредил Саймон.

Я отступила.

— Почему?

— Если пластина перегрелась, подошву прожжет.

— Удобный общественный транспорт.

Он не понял, была ли это шутка.

Я уже привыкала к таким паузам.

Наше купе оказалось отдельным и вполне приличным: металлическая отопительная панель на стене, ящик для багажа под сиденьем, бумажный маршрут на столике.

Маршрут я прочитала не сразу. Похожие буквы снова начали путаться, но общий смысл складывался быстрее, чем вчера. Словно мозг постепенно вспоминал, как пользоваться телом, которое ему досталось.

Я провела пальцем по карте.

— Доезжаем до Ларина, потом три часа каретой?

— Если дорогу не занесло, — сказал Рейд.

— А если занесло?

— Тогда дольше.

— Вы умеете обнадеживать.

Он сел напротив. Саймон остался снаружи, возле багажа.

Поезд тронулся почти через час. Никакого свистка — только дрожь под ногами, вспыхнувшие за окном медные полосы и медленно поплывшая назад платформа.

— Впервые едете поездом? — спросил Рейд.

— Похоже на то.

Он не стал расспрашивать.

Еще одна полезная черта людей Кайра: они умели вовремя замолчать.

Город закончился быстро. За окном потянулись поля, леса, редкие деревни и маленькие станции. Я старалась следить за пейзажем, но усталость взяла верх, и я уснула.

Проснулась я, уткнувшись головой в свернутый дорожный плащ. На столике стояла чашка.

— Это что?

— Чай.

— Вы меня укрыли?

Рейд посмотрел в окно.

— В купе похолодало.

— Это не ответ.

— Да.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Слабость никуда не делась, но после сна стало легче. Я взяла чашку. Чай был несладким.

— Кайр предупредил?

Рейд повернулся ко мне.

— О чем?

— Что я не люблю сахар.

— Нет.

Я сделала глоток.

Совпадение.

Почему-то от этого стало спокойнее. Не хотелось выяснять, что бывший муж знает привычки женщины, которой я не была, лучше, чем мне хотелось бы. Хотя после трех лет брака это было бы естественно.

С другой стороны, он не знал, какие лекарства ей давали.

Противоречие никуда не исчезало.

К обеду поезд остановился на небольшой станции. Рейд принес мясо, хлеб, вареные овощи и густую похлебку. Я съела почти все.

Ида одобрила бы.

Когда поезд снова тронулся, я открыла папку Сиреневого Ключа.

Элмар собрал документы тщательно. Даже слишком тщательно для человека, который еще вчера наверняка мечтал больше никогда меня не видеть.

Главный дом — построен сорок восемь лет назад.

Лечебный корпус — тридцать два года.

Первая купальня — старше всего комплекса.

Вторая появилась позже.

Три хозяйственных здания, дом работников, конюшня, оранжерея, склад минералов, водяной насос.

Два основных каменных отвода от источника и один резервный.

Последний капитальный ремонт проводился восемь лет назад. После этого расходы начали сокращаться: сначала на новый фильтрующий камень, затем на крепления, потом на насосное колесо. В последние два года оставались почти одни мелкие переводы от прежней Анны.

Я выписала суммы на отдельный лист.

— Госпожа Эверт, — осторожно сказал Рейд.

— Да?

— Вы собираетесь работать всю дорогу?

— Хочу понять, куда еду.

— На месте будет проще.

— Именно поэтому мне нужно заранее знать, что там должно быть.

Он немного подумал.

— Логично.

— Спасибо.

— Герцог сказал то же самое.

Я подняла глаза.

— Что именно?

— Что вы теперь задаете вопросы, которых раньше не задавали.

— Он часто обсуждает меня с охраной?

Рейд заметно напрягся.

— Не обсуждает.

— Тогда откуда вы знаете?

— Сегодня утром сказал: если госпожа Эверт о чем-то спросит, отвечать прямо. Сейчас она замечает больше, чем раньше.

Я помолчала.

Очень в духе Кайра. Не объяснить, что происходит, а просто дать инструкцию, которая должна облегчить мне жизнь.

— И все?

— Все.

— Хорошо.

Я снова посмотрела в бумаги.

В списке сотрудников значилось восемь человек:

Марта Грейн — лекарь.

Гарен Тир — управляющий.

Олли Фарр — смотритель источника.

Две горничные, повар, конюх и рабочий по хозяйству.

Внизу стояла приписка:

«Фактическое число сотрудников требует уточнения».

Прекрасно.

— Вы бывали в Сиреневом Ключе? — спросила я.

— Один раз.

— Когда?

— Три года назад.

— Со мной?

— Нет. С герцогом.

Я удивилась.

— Кайр там бывал?

— Проверял северные источники.

— И что сказал?

— Мне?

— Да.

Рейд пожал плечами.

— Что место хорошее, но запущенное.

Три года назад. Еще до окончательного закрытия.

— Почему его тогда не ремонтировали?

— Не знаю.

— Кайр не предлагал?

— Это не его владение.

Я почти услышала его голос: «Не мое дело».

Да. Конечно.

После Ларина дорога стала заметно хуже.

Нам дали крытую карету и двух лошадей. Саймон сел рядом с кучером, Рейд — напротив меня.

Первые полчаса я еще смотрела в окно. Потом начались повороты. Долина сузилась, лес подступил к дороге, на склонах появился снег, хотя в низине земля оставалась темной и мокрой.

Усталость нарастала постепенно. Не сонливость — именно физическое истощение. Затекали ноги, ломило спину, а после особенно сильной тряски сердце начинало биться слишком быстро.

Дважды пришлось просить остановиться.

В первый раз я просто вышла и несколько минут ходила вдоль дороги. Рейд наблюдал за мной с тревогой.

— Мне полезнее двигаться, чем сидеть еще три часа.

— Лекарь велела отдыхать.

— Отдых и неподвижность — не одно и то же.

— Вы точно не хотите вернуться?

Я посмотрела на него.

— Мы уже проехали половину пути.

— Это не ответ.

— Вы у Кайра учились?

Рейд едва заметно улыбнулся.

— Иногда приходится.

— Возвращаться я не хочу.

— Хорошо.

Во второй раз мы остановились у станции смены лошадей. Там нашлись туалет, горячая вода и лавка с едой. Я купила хлеб с сыром — сама и местными деньгами.

Правда, сначала протянула продавцу монету в десять раз крупнее нужной. Он посмотрел на меня, потом на Рейда и молча отсчитал сдачу.

— Начинаю разбираться в местной экономике, — сказала я.

— Очень быстро.

— Это была саркастическая оценка?

— Нет, госпожа.

— Жаль.

В карете я пересчитала монеты. На каждом номинале по краю был свой рисунок. Удобно, если знать, что именно он означает.

Пока я не знала.

К Сиреневому Ключу мы подъехали ближе к вечеру.

Сначала показалась каменная ограда — невысокая, местами осыпавшаяся. Затем старые ворота. Над ними висела потемневшая металлическая вывеска:

«Лечебные купальни Сиреневого Ключа».

Одной буквы не хватало, вторая держалась на одном креплении.

— Внушает доверие, — сказала я.

Рейд промолчал.

Карета въехала во двор.

Главный дом стоял на небольшом подъеме: два этажа, светлый камень, темная крыша, широкий вход и длинная терраса. Издали он выглядел почти прилично.

Вблизи иллюзия рассыпалась.

На крыше не хватало плит, водосточная труба треснула, в нижнем окне вместо стекла темнела доска, а краска на дверях отслаивалась лохмотьями.

Справа стоял лечебный корпус. Один боковой вход был забит досками. Дальше виднелось длинное низкое здание с высокими окнами — купальня. Над другой частью комплекса крыша провалилась внутрь.

— Теперь документам верю, — сказала я.

Карета остановилась.

На крыльцо вышли трое: женщина в темно-зеленом платье и шерстяной кофте, высокий седой мужчина и девушка лет двадцати с полотенцем через руку. Девушку, похоже, выдернули прямо из кухни или прачечной.

Я спустилась и тут же пожалела, что не попросила Рейда подать руку. Колени стали ватными. Пришлось на секунду замереть, делая вид, будто я просто рассматриваю двор.

Женщина в зеленом спустилась первой.

— Госпожа Вальден?

— Уже Эверт.

Она скользнула взглядом по моему пустому безымянному пальцу.

— Значит, правда.

— Что именно?

— Вы развелись.

Мне понравилось, что она не стала изображать удивление.

— Марта Грейн?

— Да.

— Анна Эверт.

— Я знаю, кто вы.

Тон был сухим. Не враждебным, но и радости в нем не слышалось.

— Это хорошо. Мне самой пока сложнее.

Марта нахмурилась.

— Долгая история, — добавила я.

Седой мужчина подошел ближе.

— Гарен Тир. Управляющий.

— Рада познакомиться.

Он посмотрел на мой чемодан.

— Вы надолго?

— Не знаю.

Марта скрестила руки.

— Если вы приехали осмотреть владение перед продажей, лучше сказать сразу.

— Почему вы решили, что я хочу его продать?

— Последние два года сюда приезжали только оценщики.

Я оглянулась на дом.

— Я не оценщик.

— Это я заметила.

— Хорошо.

— Вы часто так говорите?

— Как?

— «Хорошо».

— Не замечала.

— Теперь заметите.

Я повернулась к Гарену.

— Сколько человек сейчас работает?

Он назвал шесть.

— В документах восемь.

— Двое ушли зимой.

— Почему?

— Жалованье задерживали.

— На сколько?

— На месяц.

Я посмотрела на Марту.

— А вы почему остались?

— Пока.

Короткий ответ, зато честный.

— В дом? — предложил Гарен.

— Сначала хочу осмотреть территорию.

Марта окинула меня взглядом.

— Вы едва стоите.

— Это временно.

— Мне уже знакома эта фраза.

— От кого?

Она промолчала.

От прежней Анны, конечно.

Я не стала давить.

— Хорошо. Сначала дом, потом территория.

— Завтра, — отрезала Марта.

— Сегодня хотя бы недолго.

— Вы хозяйка. Можете упасть в любую канаву по своему выбору.

За моей спиной кашлянул Рейд.

Я посмотрела на Марту.

— Вы со всеми владельцами так разговариваете?

— Только с теми, кто приезжает после остановки сердца

и сразу хочет бегать по стройке.

— Откуда вы знаете про сердце?

— Герцог прислал сообщение.

Я медленно повернулась к Рейду.

Он поднял руки.

— Я ничего не передавал.

— У нас есть почтовая пластина, — пояснила Марта.

— И она работает?

— Иногда.

— Прекрасно.

Кайр снова оказался на шаг впереди меня.

Я решила пока не злиться. Он сообщил медицинскую информацию человеку, который отвечал за мое здоровье на месте. Разумно.

Хотя раздражало.

Внутри главный дом оказался лучше, чем снаружи. В холле было холодно, но сухо. Мебель старая, зато крепкая. В воздухе смешивались запахи воска, дерева и чего-то минерального.

Сера. Камень. Горячая вода.

— Чувствуете? — спросила Марта.

— Минералы.

— Значит, проводимость у вас не исчезла полностью.

— Я просто работала...

Я осеклась.

— Где?

— В другой области.

Марта внимательно посмотрела на меня.

— В какой?

— Расскажу позже.

Она явно не поверила, но спорить не стала.

Мне отвели спальню на втором этаже. Комната была просторной и простой: шкаф, кровать, стол, умывальник, камин. На стене висела картина с горным озером.

Я открыла окно. В комнату сразу ворвался холод, а вместе с ним — запах пара. Где-то рядом действительно была горячая вода.

— Закройте, — сказала Марта.

— Сейчас.

— Вы после остановки сердца.

— Я помню.

— Уверены?

Я посмотрела на нее.

— Вы с Идой знакомы?

— Нет.

— Странно. Манера одинаковая.

Марта сама закрыла окно.

— Я принесу ужин.

— Сначала вопросы.

— После еды.

— Марта.

— Госпожа Эверт.

Мы несколько секунд молча смотрели друг на друга.

Я сдалась первой.

— Хорошо.

Уголок ее рта дрогнул.

— Теперь понимаю, почему герцог написал отдельной строкой: «Если она спорит, сначала накормите».

Я закрыла глаза.

— Он составил инструкцию?

— Три предложения.

— Что еще?

— Не давать вам старые лекарства. Не позволять одной идти к северному отводу.

— Почему к северному?

— Там провалился настил.

Я помолчала.

— Полезная информация.

— Иногда бывшие мужья бывают полезны.

— Не привыкайте.

После ужина стало легче. Марта принесла жаркое, хлеб, овощи и яблочный напиток. Я съела почти все, поставила чашку на стол и сказала:

— Теперь вопросы.

Она тяжело вздохнула.

— Задавайте.

Я попросила прийти и Гарена. Мы устроились в небольшой столовой. Я достала блокнот.

Первый настоящий рабочий разговор в новом мире. От этой мысли почему-то стало спокойнее.

— Начнем с денег.

Гарен заметно напрягся.

— На счету поместья осталось...

Он назвал сумму.

— Это много или мало?

Марта подняла брови. Гарен решил, что я шучу.

— Я серьезно. Мне нужно понимать расходы.

Он начал перечислять: жалованье, дрова, еду, содержание лошадей, доставку минералов, ремонт.

Я записывала.

К концу разговора стало ясно: если ничего не менять, денег хватит примерно на четыре месяца. Если взяться за все сразу — меньше чем на один.

— Значит, красивый ремонт откладываем.

Гарен удивился.

— Что?

— Новые обои, мебель и фасад пока не нужны. Только то, без чего нельзя работать или жить.

— Крыша?

— Где течет?

— Западное крыло.

— Там кто-нибудь живет?

— Нет.

— Тогда временно перекрываем поврежденный участок,

а не меняем всю крышу.

Марта смотрела на меня.

— Вы понимаете, что это будет выглядеть плохо?

— Мне все равно, как выглядит закрытая часть крыши, если она не падает людям на голову.

Я записала следующий пункт.

— Вода.

Марта сразу посерьезнела.

— С водой хуже.

— Рассказывайте.

— Главный источник дает неравномерный поток. Иногда температура нормальная, иногда падает на несколько градусов, а иногда резко поднимается.

— Насколько резко?

— За десять минут.

— Это опасно?

— Для драконьих процедур — да.

— Чем измеряете?

Марта встала и вскоре вернулась с длинной стеклянной трубкой. Внутри лежали три полоски разных минералов.

— Верхняя реагирует на перегрев. Средняя — на резкий скачок. Нижняя показывает, как долго вода удерживает тепло.

— Насколько точный прибор?

— Если пластина новая.

— А эта?

— Ей четыре года.

— Почему не заменили?

— Последний счет не оплатили.

Я записала: «Новая контрольная пластина».

— Сколько стоит?

Гарен назвал сумму.

Неприятно, но посильно.

— Покупаем.

Марта нахмурилась.

— Просто так?

— Нет. За деньги.

Гарен отвернулся, пряча улыбку.

— Что еще?

Марта продолжила:

Первая купальня работала только наполовину.

Вторая закрыта после случая, когда пациент во время процедуры получил сильную судорогу.

Резервный отвод забит.

Насос запускается только после долгого прогрева.

В лечебном корпусе под стеновыми панелями появилась плесень.

Я подняла голову.

— Пациенты были там после того, как появилась плесень?

— Нет.

— Уже хорошо.

— Что именно?

— Что мы не лечили людей в комнате с плесенью.
Марта посмотрела на меня.

— Верно.

— Двери?

— Что с ними?

— Насколько широкие двери в лечебном корпусе?
Гарен назвал размер.

— Дракон с раскрытым крылом пройдет?

Марта усмехнулась.

— Нет.

— Тогда как перевозили пациентов после травм?

— На специальных складных носилках.

— Они сохранились?

— Одни.

— В каком состоянии?

— В плохом.

Я добавила еще один пункт.

— Почему лечебницу закрыли окончательно?

Марта промолчала.

— Причин несколько, — сказал Гарен.

— Каких?

— Неудачные процедуры, жалобы, потом слухи.

— Какие слухи?

— Что источник испортился, — ответила Марта.

— В каком смысле?

— Люди говорили, что вода стала вредной, старые жилы

изменились или место проклято.

— Вы верите в проклятие?

— Нет.

— Отлично.

Она закатила глаза.

— Я верю, что вода стала вести себя иначе.

— Когда?

— Примерно четыре года назад.

— Постепенно?

— Да.

— Перед этим были ремонт, обвал, землетрясение?

— В горах произошли подвижки породы.

— Только здесь?

— Нет. По всей северной долине.

— Другие источники тоже пострадали?

— Некоторые.

— Все восстановились?

— Большинство.

— А этот нет?

— Нет.

— Почему?

Марта посмотрела на меня.

— Если бы я знала, не собиралась бы уезжать.

— Когда вы уезжаете?

— Через две недели.

— Куда?

— В городскую лечебницу Ларина.

— Уже договорились?

— Да.

— Почему?

Она ненадолго замолчала.

— Потому что устала работать в месте, где не могу помочь.

В ее голосе больше не было колкости. Только усталость.

— Сколько лет вы здесь?

— Двадцать.

— И когда поняли, что все разваливается?

— Не сразу.

Она опустила взгляд на стол.

— Сначала думали, что дело в источнике. Потом меняли смеси, ремонтировали отводы. Потом стало меньше пациентов, а вместе с ними — денег. В какой-то момент я перестала понимать, лечу людей или просто поддерживаю видимость работы.

— Были серьезные осложнения?

— Три.

— Смерти?

— Нет.

— Постоянный вред?

— У одного пациента после процедуры долго сохранялись проблемы с равновесием. У другого усилилась боль в крыле. Третий получил сильный ожог при переходе в драконью

форму.

— Из-за воды?

— Из-за сочетания воды и прогрева.

— Лиловый жар?

— Нет. Обычный лечебный камень.

Я продолжила записывать.

— Медицинские карты сохранились?

— Все.

— Хочу их посмотреть.

Марта подняла глаза.

— Зачем?

— Хочу понять, что общего у этих случаев.

— Вы лекарь?

Вот теперь уклоняться стало трудно.

— Нет.

— Тогда кто?

Я покрутила карандаш между пальцами.

— В моей прежней...

Я остановилась. Гарен смотрел на меня. Марта тоже.

— До болезни, — поправилась я. — Я много читала о восстановлении после травм.

Ложь получилась слабой. Марта это сразу поняла.

— Читали?

— Да.

— И поэтому спрашиваете о носилках, ширине дверей, мышцах после долгого покоя и температуре процедур?

Я промолчала.

— Госпожа Эверт, я знала вас раньше.

Она произнесла это спокойно, но отступить уже было некуда.

— Насколько хорошо?

— Не близко. Но достаточно, чтобы знать: медициной вы никогда не занимались.

Гарен с внезапным интересом уставился в потолок.

Я вздохнула.

— Я потеряла часть памяти.

— Это я слышала.

— И кое-что во мне изменилось.

— Насколько?

— Сильно.

Марта не отводила взгляда.

— Я пока не готова объяснять.

— Тогда не вмешивайтесь в лечение людей.

Справедливо.

— Не собираюсь.

Она явно не ожидала такого ответа.

— Что?

— Я не буду сама назначать процедуры.

— Тогда зачем вам карты?

— Чтобы задавать вопросы.

Марта молчала.

— Вы лекарь. Вы знаете этот мир, драконов, воду и мест-

ные методы. Я не знаю.

— А что знаете вы?

— Как люди восстанавливаются после травм, когда острая фаза уже прошла.

Марта прищурилась.

— Откуда?

— Позже.

— Удобное слово.

— Да.

— Я не люблю тайны.

— Я тоже. Но сейчас их у меня больше, чем хотелось бы.

Гарен кашлянул.

— Может, вернемся к хозяйству?

Я благодарно посмотрела на него.

— Да.

До десяти вечера мы составили первый список:
временно закрыть поврежденный участок крыши;
купить новую контрольную пластину;
проверить насос;

удалить плесень из лечебного корпуса;
не принимать пациентов до проверки первой купальни;
провести инвентаризацию склада;
проверить задолженности перед сотрудниками;
найти старые планы водных отводов.

Отдельно я попросила собрать счета поставщиков минералов за последние пять лет.

Гарен удивился.

— Зачем так далеко?

— Хочу понять, что менялось до закрытия.

— Это много бумаг.

— Времени у нас достаточно.

Марта посмотрела на меня.

— У меня две недели.

— Знаю.

— Вы надеетесь уговорить меня остаться?

— Пока нет.

Она удивилась.

— Почему?

— Я вас почти не знаю.

— Наконец разумная мысль.

— Но за эти две недели хочу понять, нужна ли вам причина остаться.

На мгновение усталость сошла с ее лица. Потом Марта встала.

— Спать.

— Я еще не закончила...

— Закончите завтра.

— Марта.

— Вы провели сутки в дороге после остановки сердца. Если хотите завтра осматривать купальни, сейчас идете в кровать.

Я посмотрела на Гарена.

Он поднял руки.

— В медицинские вопросы не вмешиваюсь.

— Трус.

— Очень.

Я поднялась и тут же почувствовала головокружение.

Марта молча подождала, пока оно пройдет.

— Ничего не говорите.

— Не собиралась.

— По лицу видно.

— Я лекарь. У меня выразительное лицо.

До комнаты я дошла сама.

Перед сном открыла тетрадь прежней Анны. Нашла записку:

«Написать Марте».

Следующая:

«Ответа нет».

Утром я спросила об этом.

Марта стояла в первой купальне у каменного бортика и проверяла воду.

— Два года назад вы получали от меня письма?

Она не повернулась.

— Получала.

— Почему не отвечали?

Марта опустила стеклянную трубку в воду.

— Отвечала.

— В тетради написано, что ответа не было.

Ее рука замерла.

— Что?

— У прежней Анны есть запись: «Ответа нет».

Марта медленно повернулась.

— Я отправила три письма.

— Куда?

— В дом Вальденов.

— На мое имя?

— Конечно.

— Я их не нашла.

— Могли потеряться.

— Все три?

— Не знаю.

Я тоже не знала, что думать.

Почта могла подвести. Слуги — не передать. Прежняя Анна — получить и забыть. Лекарства — мешать читать.

Слишком много вариантов, чтобы делать выводы.

— Что было в письмах?

— Отчеты о воде, просьба приехать и предложение продать старый резервный участок, чтобы оплатить ремонт.

— Я ответила?

— Нет.

— А потом?

— Пришел человек от Эвертов.

У меня напряглась спина.

— Кто?

— Управляющий их торгового дома. Сказал, что семья берет расходы на себя.

— Взяла?

Марта усмехнулась.

— Частично.

— Что именно оплачивали?

— Поставку минеральных смесей.

Я посмотрела на воду.

— Эверты торговали минералами?

— Полкоролевства ими торгует. Но ваш дом — один из крупнейших поставщиков на севере.

Еще одна вещь, о которой мне следовало знать.

— Постоянные поставки начались после моих писем?

— Да.

— Счета сохранились?

— У Гарена.

— Хочу их посмотреть.

Марта снова опустила трубку в воду.

Верхняя полоска осталась белой, средняя посерела, нижняя стала бледно-зеленой.

— Что это значит?

— Температура нормальная, резких скачков сейчас нет.

Но вода хуже удерживает тепло.

Я опустила пальцы в воду.

— Руку уберите, — резко сказала Марта.

Я сразу отдернула руку.

— Почему?

— Вы не знаете, как отреагирует ваша проводимость.

— Я хотела почувствовать температуру.

— Для этого есть термометр.

— У вас он есть?

— Нет.

Я посмотрела на нее.

— Тогда почему ругаетесь?

— Потому что я знаю эту воду.

— А я нет.

— Именно.

Она протянула мне металлическую ложку с длинной ручкой.

— Наберите немного и проверьте через металл.

Я так и сделала.

Вода была горячей, но не обжигала.

— Около сорока градусов?

Марта резко подняла взгляд.

— Что?

— Примерно.

— Откуда вы...

— Потом.

Она тяжело вздохнула.

— Ненавижу это слово.

Первая купальня представляла собой длинный каменный зал с высокими окнами. В центре располагался большой бас-

сейн неправильной овальной формы. С одной стороны в него через каменный желоб поступала горячая вода, с другой — уходила в решетчатый слив.

Вдоль стен стояли скамьи. На стенах висели металлические поручни, многие уже покрылись ржавчиной.

— Здесь только прогревали?

— Нет. Проводили двигательные процедуры.

Я посмотрела на поручни.

— В воде?

— Да.

— Это разумно.

Марта подняла бровь.

— Почему?

— В воде легче двигать поврежденной конечностью: вес меньше нагружает сустав.

Она несколько секунд молчала.

— Вы точно только читали?

— Нет.

— Так и думала.

— Но пока этого достаточно.

Марта явно хотела продолжить, но передумала.

Мы прошли к насосу. Он стоял в отдельной каменной комнате: большое металлическое колесо, две трубы и массивный корпус с темными минеральными вставками.

Гарен уже ждал там вместе с Олли Фарром, зрителем источника.

Олли оказался сухим мужчиной лет шестидесяти с красными руками и выражением человека, который заранее не любит владельцев поместий.

— Госпожа Эверт.

— Олли.

Олли ответил коротким кивком.

— Насос запускается?

— Если прогреть нижний камень.

— Чем?

— Обычно печью.

— Сколько времени?

— Час.

— А раньше?

— Двадцать минут.

— Почему разница?

— Камень старый.

— Замена?

Он назвал цену.

Я едва не выругалась.

— Можно отремонтировать?

— Снять верхний слой и переставить пластину.

— Это дешевле?

— В четыре раза.

— Почему не сделали?

— Нужен мастер.

— Найти можно?

Олли пожал плечами.

— Можно.

— Тогда ищем.

Он впервые посмотрел на меня с интересом.

— А новый камень?

— Если ремонт не поможет.

— Владельцы обычно предпочитают новое.

— Владельцы обычно не считают деньги?

— Часто не считают.

— Мне повезло быть исключением.

Мы осмотрели лечебный корпус.

Плесень оказалась хуже, чем выглядела: под нижними деревянными панелями темнели пятна, а запах сырости чувствовался сразу.

— Все снять, — сказала я.

Гарен вздохнул.

— Половину стены?

— Только панели.

— Они дорогие.

— Плесень дешевле?

Он посмотрел на меня.

— Нет.

— Тогда снимаем. Стену сушим. Помещение пока закрываем.

Дальше нашлись старые носилки. Они скрипели даже без пациента.

— На них перевозили драконов после травм?

Марта поморщилась.

— Давно нет.

— Почему они все еще здесь?

— Потому что новых нет.

— Добавляем в список.

Вторая купальня была заперта.

— Ключ? — спросила я.

Гарен протянул его.

Марта сразу остановила меня:

— Туда не надо.

— Почему?

— После последнего случая помещение закрыли.

— Это я знаю.

— С тех пор там ничего не менялось.

— Именно поэтому хочу посмотреть.

Я повернула ключ.

Внутри было холодно. Бассейн пустовал, на дне лежал слой серого осадка. Каменные борта сохранились, но возле входного желоба темнела широкая полоса.

Я подошла ближе.

— Что это?

Олли присел рядом.

— Минеральный налет.

— Обычный?

Он помедлил.

— Раньше такого цвета не было.

— Когда появился?

— Перед закрытием.

Марта подошла к нам.

— Я думала, это из-за новой смеси.

— Какой смеси?

— Эверты прислали другую партию добавок. По документам состав не изменился, но после нее осадок стал темнее.

— Вы проверяли?

— Да.

— И?

— Аптечный анализ показал допустимые значения.

— Кто проводил анализ?

— Лаборатория в Ларине.

— Название помните?

— Нет.

— В отчетах будет?

— Должно.

Я оглядела желоб. Хотелось взять образец, но у меня не было ни оборудования, ни достаточных знаний местной химии.

— Ничего не трогать.

Олли удивленно посмотрел на меня.

— Мы и так три года ничего не трогали.

— Теперь это официальное распоряжение.

— Очень полезное распоряжение.

— Я стараюсь.

Он фыркнул.

Я едва заметно улыбнулась.

К обеду ноги начали дрожать. Я старалась не обращать внимания, но Марта заметила.

— Все.

— Еще оранжерея.

— Завтра.

— Она рядом.

— Нет.

— Марта...

— Анна.

Я замолчала.

Впервые она назвала меня без титула. Кажется, сама это заметила.

— Вы сейчас упадете, — сказала она уже тише. — А мне потом придется объяснять городскому лекарю, почему я позволила вам три часа ползать по закрытой лечебнице.

— Не три.

Гарен посмотрел на часы.

— Три сорок.

— Предатели.

Я вернулась в дом, поела и проспала два часа.

Проснулась с тяжелой головой, но без боли в груди. На столе лежала записка от Гарена:

«Нашел счета поставщиков. Принесу после ужина».

Рядом стоял чай.

Несладкий.

Я посмотрела на чашку и спросила у горничной:

— Кто сказал, что я пью без сахара?

Она удивилась.

— Никто. Вы всегда пили без сахара.

Прежняя Анна тоже.

Совпадения начинали раздражать сильнее различий.

После ужина Гарен принес две толстые папки.

В первой были счета за минеральные смеси.

Пять лет поставок.

До постоянного участия Эвертов поставщики менялись.

Потом почти все заказы перешли одной торговой компании.

Название мне ничего не говорило.

— Это Эверты?

— Их дочернее предприятие, — ответил Гарен.

— Цена изменилась?

— Стала ниже.

— Качество?

Он пожал плечами.

— По документам соответствовало норме.

Я сверила даты. Примерно в тот же период Марта говорила о первых проблемах с водой.

Пока — совпадение.

Одного совпадения недостаточно, чтобы строить расследование.

Во второй папке лежала переписка. Часть писем была адресована прежней Анне, часть — дому Эвертов.

Три письма Марты действительно сохранились. Копии. С датами отправки.

Я сравнила их с записями в тетради.

Первое письмо Марта отправила за четыре дня до записи «Ответа нет». Второе — через неделю. Третье — еще через месяц.

На полях последнего стояла отметка:

«Копия передана торговому дому Эверт по семейной доверенности».

Я перечитала строку.

— Гарен.

— Да?

— Почему копию передали моей семье?

— Так было указано в доверенности.

— В какой доверенности?

Он нашел старую папку.

Документ был подписан прежней Анной два с половиной года назад. Семье Эверт разрешалось получать копии хозяйственной переписки Сиреневого Ключа и участвовать в закупках.

Подпись выглядела как ее.

— Вы видели, как она подписывала?

— Нет.

— Кто принес документ?

— Человек Леона.

Еще одно совпадение.

Пока только совпадение.

Я закрыла папку.

— Завтра хочу написать Элмару.

— Почтовая пластина работает плохо.

— Через станцию отправить можно?

— Да. В поселке, в десяти милях отсюда.

— Отправим утром.

— Что хотите узнать?

— Когда доверенность зарегистрировали и можно ли получить оригинал.

Гарен внимательно посмотрел на меня.

— Вы подозреваете подделку?

— Пока я подозреваю только то, что мне не нравятся неизвестные документы с моей подписью.

— Справедливо.

На второй день я окончательно поняла: восстановление Сиреневого Ключа не будет красивой историей о хозяйке, которая приезжает в заброшенное поместье, улыбается работникам и через неделю получает процветающий дом.

Крыша текла.

Насос капризничал.

Плесень оказалась хуже, чем выглядела.

Поставщик контрольного минерала требовал предоплату.

Работникам задержали жалованье.

Две комнаты нельзя было отапливать из-за трещины в дымоходе.

А когда я спросила, кто ведет полноценный учет расходов, Гарен ответил:

— Я.

— Один?

— Да.

— А если вы заболете?

Он подумал.

— Будет плохо.

— Очень.

Я попросила завести вторую копию основных счетов.

Гарен посмотрел на меня так, будто я предложила ему родить ребенка.

— Все переписывать?

— Нет. Только текущий год и долги. Остальное потом.

— Это все равно много.

— Найдем помощника.

— На какие деньги?

Я посмотрела на него.

— Хороший вопрос.

Пришлось открыть собственные счета.

Я выделила ограниченную сумму на первые три месяца — не весь доступный капитал и даже не половину. Земная привычка спасать любой проект собственными деньгами здесь могла разорить меня быстрее, чем я успею понять местные

цены.

— Вот бюджет, — сказала я. — Выше него не поднимаемся без отдельного решения.

Гарен посмотрел на цифру.

— На все не хватит.

— Поэтому все делать не будем.

— А что будем?

— Безопасность, вода, зарплаты и возможность открыть хотя бы одну купальню.

— А фасад?

— Пусть остается некрасивым.

Он улыбнулся.

— Мне нравится новый подход.

— Старый был другим?

— Прежние управляющие часто начинали с комнат для гостей.

— Почему?

— Так удобнее показывать владельцам.

— А пациентам?

— До пациентов обычно деньги уже заканчивались.

Я закрыла счетную книгу.

— Значит, начнем наоборот.

На третий день приехал местный мастер по насосам. На четвертый нашли людей, которые сняли панели с плесенью. На пятый я впервые прошла от главного дома до первой купальни и обратно без остановки.

Маленькая личная победа.

Я никому о ней не сказала, но Марта все равно заметила.

— Пульс?

— Нормальный.

— Сколько?

Я назвала число.

Она остановилась.

— Вы умеете считать пульс?

— Да.

— Как?

— Пальцами.

— Это я вижу. Откуда умеете?

Я посмотрела на нее.

— Когда-нибудь все расскажу.

— Очень надеюсь дожить.

— Вы собирались уехать через две недели.

— Вот поэтому и тороплюсь.

Но теперь она говорила об отъезде уже не так уверенно.

Я это замечала.

Не потому, что она внезапно привязалась ко мне. Просто у нее снова появилась работа, от которой был толк.

Мы спорили почти каждый день: о температуре, нагрузке, документах и о том, стоит ли сейчас ремонтировать вторую купальню.

— Нет, — говорила Марта.

— Почему?

- Пока не знаем, что произошло с водой.
- Именно поэтому нужно обследовать отвод.
- Для этого придется спустить человека вниз.
- Олли знает тоннели.
- Олли шестьдесят два.
- Значит, не Олли.
- А кто?
- Найдем.

Она раздраженно постукивала карандашом по столу.

- Вы все время говорите «найдем».
 - А что еще говорить?
 - Иногда нужного человека нет.
 - Тогда признаем, что пока не можем этого сделать.
- Она посмотрела на меня.
- И сами лезть не будете?
 - В подземный тоннель?
 - Да.

Я задумалась.

- Не буду.
- Слишком быстро ответили.
- Я не специалист по подземным тоннелям.

Марта впервые засмеялась — коротко, но искренне.

Через час она снова была мной недовольна.

И это почему-то радовало.

В тот же вечер пришел ответ Иды.

Короткий, но неприятный.

Во флаконах действительно содержалось сильное успокаивающее средство. Не запрещенное, однако концентрация в последней смеси была выше обычной лечебной.

Ида писала:

«Не делайте выводов только по флакону. Мне нужны назначения Халлена, дозировка и длительность приема. При регулярном применении такая смесь могла усиливать слабость, сонливость, снижение аппетита и спутанность внимания».

Я прочитала письмо дважды, затем положила рядом тетрадь прежней Анны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.